

DOI 10.17150/978-5-7253-3040-3.26
УДК 316.4(571.1/1.5)(091)
ББК 60.524(253)г

В.Ю. ТИТОВ

НЕГЛАСНЫЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ «СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕЖИТИЯ» В СССР, НА ПРИМЕРЕ ПРОТЕСТНЫХ НАСТРОЕНИЙ В РЕГИОНАХ СИБИРИ (1920–1930-Е ГГ.)

Актуальность статьи обусловлена тем, что «правила социалистического общежития» являлись основой деятельности, граждан по добровольному участию в управлении страной, согласно ст. 59 Конституции СССР.

Ключевые слова: «крестсоюзы», многолавка, «автономность», протест политических сказок.

V. YU. TITOV

UNSPOKEN SOCIO-CULTURAL FACTORS OF THE “SOCIALIST HOSTEL” IN THE USSR, ON THE EXAMPLE OF PROTEST MOODS IN THE SIBERIAN REGIONS (1920 — 1930)

The relevance of the article is due to the fact that the “rules of the socialist hostel” were the basis of activity, citizens on voluntary participation in the administration of the country, according to article 59 of the Constitution of the USSR.

Keywords: “kristaus”, mnohelova, “autonomy”, a political protest tales.

Большая часть протестных настроений была выявлена при изучении делопроизводственной документации. Работа с содержательной стороной источников отражающих протестные настроения, заставила анализировать тексты документов и выделять в них те словосочетания, на которые протестующий человек делал опору при аргументации своих доводов. Как правило, это обращения граждан в учреждения и организации, обладавшие возможностью, повлиять на желаемый результат. У таких документов всегда есть четыре особенности:

- 1) апелляция к авторитету власти,
- 2) просьба о заступничестве, поскольку все методы перепробованы и не дают положительного результата,
- 3) тон, которым пишутся такие документы в народе принято называть «сиротским»,
- 4) часто такие обращения носили ультимативный характер.

Согласно статистическим подсчетам, документы, отражающие протестные настроения, в которых апелляция делалась на право «местного обычая», подразделяются на следующие группы:

- 1) аналитическая (документы созданные на основе оперативных данных ОГПУ-НКВД-МВД, МГБ-КГБ, материалов подготовленных для заседаний Оргбюро и Политбюро ЦК ВКП (б), а затем КПСС),
- 2) контрольная (документы, созданные в результате жалоб граждан и проверок, вызванных ревизиями органов Госконтроля),
- 3) общественная (документы созданные на основе работы редакционных почт СМИ Советского Союза, писем, поступавших в общественные приемные руководителей различного уровня, протоколы заседаний и материалы проверок уполномоченных представителей Комитета Народного контроля и Совета по делам религий),
- 4) тематическая (документы, созданные в результате целенаправленного анализа социальной обстановки, в рамках которой развивались протестные настроения).

Все источники систематизированы по блокам тем, связанных с предметом «социалистического общежития» на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке: «крестсоюзы», многолавка, «автономность», протест политических сказок.

Дискуссия в «крестсоюзах». На рубеже 1920–1930-х гг. Советская Россия и в особенности ее Азиатская часть — Сибирь — была крестьянской страной середняков и кулаков. Краеугольным камнем всех крестьянских споров внутри общины становились причины землеобеспечения хозяйств. Этот процесс называли скидками-накидками. До революции передел земли между дворами производился раз в три или даже в пять лет. Частые переделы происходили только между отдельными дворами в виду неравномерностей, возникающих изменений среди крестьянских семей: брака, приймачества, рождения, смерти, призыва в армию. Статьи Земельного кодекса четко оговаривали порядок передела через 9 лет для общины в целом и не чаще 3-х лет между отдельными общинниками [1, ф. 4, оп. 5, д. 1, л. 1]. На самом деле скидки-накидки следовали один за другим каждый год после октября 1917 г. и до зимы 1924/1925 г. Такие данные, по оценке специалистов Коммунистической академии, носили очень приблизительный характер и не могли отражать всей полноты сложившейся ситуации.

Согласно статье № 92 Земельного кодекса РСФСР, перемещение местоположения полос осуществлялось ради уравнительного распределения земли между членами общества. При этом предполагалось, что крестьяне без чьего-либо вмешательства смогут сами, добровольно договориться о качестве и месторасположении отрезков. Наркомзем республики наивно полагал, что отсутствие чьей-либо воли и заинтересованности в данном вопросе является самым хорошим регулирующим механизмом. Кулаки этим положением не преминули воспользоваться. Путем многократного передела земли крепкие хозяйства добивались в свое пользование лучших пахотных и луговых угодий. Одновременно, в процессе скидок-накидок, кулаки осуществляли практику сговоров и

сформировали негласное крестьянское право обсуждать различные проблемы села, а, затем, через волостные советы, придавать принятым решениям форму права местного обычая. Так возникла идея создания «крестоюзов» — организаций, помогающих на неформальном, самодетельном уровне, без государственного регулирования, реализовывать зерно крестьян [1, ф. 3, оп. 5, д. 15, л. 17].

Основным мотивом для поддержки идеи о «крестоюзе» в деревнях были проблемы с реализацией зерна и ценами на хлеб. С этой точки зрения Сибирь, где межрегиональные рынки были развиты хуже всего, должна занять в примере втором первое место. Но этого не произошло, поскольку средний показатель цен на хлеб за 1 пуд составлял 1 руб. 12 коп. В то же самое время в Центрально-европейской полосе России, в Сибири и на Дальнем Востоке средний показатель за пуд хлеба колебался в следующем диапазоне: от 1 руб. 3 коп. (в Смоленской губернии) до 1 руб. 25 коп. (в Одесской губернии) иногда доходил до 1 руб. 90 коп. [2, оп. 85, д. 151, л. 172].

У крестьян, проживавших в Сибири на Дальнем Востоке, для поддержки разговоров на тему о «крестоюзе» были дополнительные стимулы: близость границы с Китаем, на которой находились части бывшей белой гвардии, интенсивный процесс внутренней миграции, влияние староверов.

В Центрально-европейской полосе России таких стимулов для разговоров о крестоюзе у крестьян было значительно меньше. Но зато появлялся соблазн продажи зерна по более высоким ценам из-за скудности межрегиональных рынков и более развитой железнодорожной сети, существенно сокращавшей расстояния. Тем более, что по себестоимости 1 пуд хлеба в Центральной России стоил 80-85 коп. [Там же].

На фоне беспомощности власти, рост кулацких группировок и банд, пропаганда идей создания крестоюзов — организации, которая защищала бы интересы крестьянства, — привлекала к себе новых сторонников. Большую популярность в деревнях Сибири получили листовки, призывавшие объединяться крестьян в политические союзы.

В 1923–1924 г. обстановка изменилась не в лучшую сторону для большевиков, их начали постепенно выдавливать из кооперативов. ГПУ в своих отчетах отмечало, что протесты крестьян на селе тесно переплетены с развитием кооперативного хозяйства. С 1926 г. кооперация в Губсоюзе, по мнению чекистов, окончательно приобрела ненормальные отклонения в сторону выпадения советской власти в никуда. По данным ГПУ, на Урале и в Западной Сибири уже с середины сентября 1924 г. вся низовая кооперация контролировалась кулаками. Такая неутешительная картина развивалась в силу неблагоприятного материального положения населения.

Расследования ОГПУ в отношении мифической «кооперативной» оппозиции крестьян нашли свое продолжение в так называемом деле

крестсоюзов весной 1925 г. В то время попытки отдельных лиц организовать крестьянский профсоюз с целью легальной координации сельского кооперативного движения были восприняты Кремлем как попытки формирования контрреволюционных протестов. Подобный взгляд был не нов. Просто в предыдущие три года Кремль вынашивал и искал подходящий повод для такого заявления. Вот что говорили на селе о крестсоюзах до 1925 г.: «Крестсоюз улучшает быт крестьянства» (Северный Кавказ, Донской округ), «Крестсоюз необходимо создать для защиты экономических интересов крестьянства» (Центр, Московская губерния), «Задачей крестсоюзов является защита правовых и экономических интересов крестьянства» (Поволжье, Пензенская губерния). Тем не менее большевики забеспокоились только тогда, когда услышали призывы к объединению всех крестьян России. Например, организация «Хлебороб» (Иркутская губерния город Черемхово) приглашала вступать в свои ряды всех: бедняков, середняков и кулаков. Для подкрепления правоты такого подхода устроители «Хлебороба» ссылались на положительный опыт аналогичных союзов фермеров в Америке и Германии [2, оп. 7, д. 177, л. 2-6].

В предложении иркутян звучало обвинение коммунистов в хозяйственной близорукости и в том, что кроме голода, войны, коммунисты ничего не дали крестьянину и делалось предложение о выработке крестьянских законов для села [Там же, оп. 87, д. 199, л. 74].

Многолавка или «многолавленная система», подразумевала широкое кредитование кооперации для рабочих и крестьян, это происходило до середины 1930-х гг. Речь шла о развернутой мелкой частной торговле сельскохозяйственной продукцией и промысленными изделиями для бытового потребления. Иначе говоря, любой город превращался в рыночную площадь. Предполагалось, что уличная торговля сможет удовлетворить потребительский спрос и понизить уровень цен. Термин «многолавка» означал легальное право торговать любому человеку любым товаром в строго отведенном для этого месте, но не закрепленным за продавцом на длительный период времени. Вот такой метод действительно подпадал под определение «самодетельность населения». Местные сотрудники ОГПУ дали «многолавке» следующую характеристику.

Попытки развить кооперацию за пределы торговли, например, в русло кустарного производства, ни к чему не приводили. Вся проблема заключалась в чрезмерном, по мнению россиян, контроле низовых партийных организаций. Все попытки оказывались тщетными, особенно когда контролировать пытались окружные органы. Крестьяне и горожане, задействованные в деятельности многолавок, оставляли за местными органами советской власти и партийными организациями только право вкладывать средства в развитие такого вида кооперации. Все то, что касалось производства, пускай даже кустарного, россияне предпочитали утаивать перед властями и приносить уже готовую продукцию в многолавку.

Основа всей работы многолавки приходилась на различные сельскохозяйственные товарищества, которые занимались снабжением и сбытом. Именно через них шел основной товарооборот между селами и провинциальными городами. Внутреннее положение в многолавках являлось поистине образцовым социалистическим укладом. Решения принимались большинством голосов, которые составляли середняки и бедняки. Первое место приходилось на середняков, от 48 до 66 % крестьян, державших хозяйство средней руки, было занято в торговле через многолавку. Вслед за ними шли бедняки, от 19 до 45 %, и на третье место попадали кулаки — 20 % [1, ф. 4, оп. 5, д. 12, л. 28].

РКИ постоянно фиксировало внимание что население не желает жертвовать налаженным бытом и превращать «многолавку» в очередной плацдарм строительства коммунизма, местное коммунистическое руководство по максимуму старалось использовать разногласия, возникавшие среди ее членов. Проблемы, выливавшиеся в открытые столкновения между середняками и бедняками, между крестьянами и горожанами, возникали по причине недоверия населения к коммунистическим руководителям.

Отдаленность многих сел от места нахождения товариществ и, следовательно, по мнению сотрудников Бюро жалоб, недоверие к советской власти для крестьян не означало какой-либо классовой борьбы или идеологического противостояния. Это недоверие было выражено в конкретной форме — слабо развитых вкладов в кредитно-кооперативной сети. Едва ли этого можно было избежать. Повсеместно господствовало натуральное хозяйство. Крестьянство стремилось покупать за наличные денежные знаки товары крайней необходимости. Более того, основная масса деревни не могла за два года (1925–1926) выработать в себе чувство доверия к финансовой устойчивости товариществ, что, естественно, снижало их активность в «многолавке», особенно когда речь заходила о сотрудничестве с городскими кустарями. Лишним поводом для сомнений служили факты несоблюдения тайны вкладов.

Неудивительно, что реальным хозяином многолавки, пользующимся льготами артели или коммуны, был кулак. У него имелись лошади и подводы, а, как правило, большая семья давала возможность постоянно торговать на рынке. В этой ситуации для рабочего с его кустарными изделиями, сделанными порой на заказ, который оставался на руках, не было места в кредитно-кооперативных товариществах [3, ф. 5, оп. 1, д. 1, л. 9]. Крестьянин отказывался приобретать все подряд, что нес рабочий, ограничивая свой выбор на фабричных изделиях. Для коммунистов оказывался непонятным весь этот подводный механизм взаимоотношений в товариществах. Они начинали с упоением ругать крестьян за слабую активность. Больше всего доставалось беднякам. Коммунисту, недавно пришедшему с фронта, где он проливал кровь за счастье тех же крестьян, было непонятно, почему в деревне не было энтузиазма, желания

пожертвовать всем ради светлого завтра. Чаще, чем в прежние годы, на заседаниях обкома звучали обвинения в пассивной оппозиции со стороны деревни [1, ф. 4, оп. 5, д. 12, л. 28]. На самом деле у большинства крестьян не было возможности постоянно участвовать в кооперативном движении. Усредненно, по паевым взносам артели и коммуны давали в общий валовой доход области только 1,5 %, а по вкладам члены кооперативных товариществ — не более 20 %. Областное отделение РКИ для преодоления сложившихся обстоятельств снова предложило методы, близкие к принуждению. Во-первых, волевыми действиями организовать «твердую сеть сельскохозяйственных товариществ». Во-вторых, установить постоянные цены на кредитование одни, на сбыт — другие. Такое искусственное «оживление» низовой кредитной кооперации вело население только к антипатии к партии [4, л. 2].

К 1933 г. накопившееся чувство досады на бесполовых партийных и комсомольских руководителей становилось отправным мотивом для роста возмущения и протеста на селе. Так, в октябре 1933 г. на бюро обкома разбирался вопрос о коммуне «СКНЕМВАР». Секретариат Уралобкома партии характеризовал сложившуюся ситуацию с коммунной как контрреволюционный выпад, похожий на десятки других точно таких же ситуаций. На основе непроверенных данных райкомы партии «квалифицировал старейшую на Урале коммуну как кулацкую, проводящую в своей практике чаяновскую политику “мужицкого рая”» [1, ф. 4, оп. 9, д. 43, л. 110]. Виновных крестьян без промедления исключили из партии и коммуны.

На многлаву рабочие возлагали очень большие надежды. Непродолжительное время сотрудники провинциальных ГПУ надеялись, что эти настроения, благоприятно повлияют на укрепление политической благонадежности рабочих. Постоянно ухудшающееся политическое состояние рабочих объяснялось невыдачей заработной платы. Часть оплаты рабочие получали «талонами в кооперацию и очень незначительный процент наличными деньгами» [Там же, л. 13].

«Нет самых основных товаров — сообщало ГПУ в обком ВКП(б). Месяцами ожидающую мануфактуру рабочие не могли получить, так как она выдавалась только на деньги и только не рабочим. Рабочему человеку приходилось реализовывать талоны на черном рынке на то, что можно и нужно купить в первую очередь». Реализовать по себестоимости такие талоны было нельзя. Естественно, процветала спекуляция, цены на продукты питания по таким талонам были искусственно завышены. Кроме того, за обмен талонов на продукты торговцы требовали брать «ненужный товар». Лежалый товар продавался как бы в довесок, для того, чтобы не сдавать сдачу деньгами. Такие тенденции приобрели норму регулирования.

Сложившаяся неблагоприятная ситуация в сфере потребления вызвала рост рабочих возмущений. Мотивом для протестов стало чувство

обиды за происходящие вокруг них беды. Себя рабочие считали совершенно беззащитными. Заводским и профсоюзным администрациям открыто выражали недоверие. Особенно наглядно это просматривалось в течение всего 1924 г. на Ляляном лесобумажном заводе близ города Иркутска. По мнению населения, администрация завода не вмешивалась в регулирование социальных и бытовых проблем рабочих. Верховушку профсоюза предприятия рассматривали как составную часть администрации заводууправления, поскольку ее не выбирали на общем собрании, а назначал директор. Самостоятельностью сам по себе любой профсоюз не мог пользоваться. В г. Ляле профсоюзная жизнь была сплошь наполнена конфликтными ситуациями из-за столкновения интересов бумажников, деревообработчиков и химиков. Защита интересов рабочих в каждом объединении приобретала черты торга. Например, химики в силу своей малочисленности не очень-то сильно ввязывались в грызню, а сосредоточивались на любых формах штрейкбрехерства, выпрашивали у администрации завода какие-либо льготы и послабления для своих. Такая форма защиты интересов рабочих делала очевидным никчемность политических союзов. Отсутствие стабильности и возможность ориентироваться на конкретные позиции профсоюзов способствовали росту пьянства и хулиганства среди рабочих. Они были полны гнева и отчаяния, но вылить душу было некому. По мнению местного отдела ГПУ, только благодаря отсутствию политического вождя на Урале и в Сибири не было поднято восстание, подобно Кронштадту или антоновскому мятежу. Тягостней всего в малых городах и поселках обстоит дело с коммунальным хозяйством. Плачевное, а конкретнее аварийное, состояние котельных и водопровода приводило в бешенство, сопровождавшиеся нецензурными выражениями по отношению к представителям советской власти. Рост задолженностей за коммунальные квартиры, незначительные заработки подводили рабочих к убежденности в безысходности своего положения и в стремлении писать жалобы в Бюро жалоб, которое воспринималось неким органом, легализовавшим надежды провинциальных рабочих на справедливость [2, л. 13.].

«Автономность» — такое понятие часто звучало в обращениях «малых национальностей» Сибири и Дальнего Востока, адресованных в Бюро жалоб. «Автономность» воспринималась как некая надежда на возможность творить право «местного обычая» в рамках конкретных территориальных образований [3, ф. 6, оп. 1, д. 11, л. 6].

В середине 1930-х — 1937 г., в Сибири наряду со слухами о приближающейся смене Советской власти преобладала еще одна тенденция в общественном мнении — это разговоры о возможной автономности. Причем понятие «автономность» понималась очень широко [5, л. 12]. Автономность могла распространяться на разговоры об экономической самостоятельности того или иного региона, о независимости сельского общества от партийных организаций, о кооперации. Вопрос: «ну, а ско-

ро ли будет нам дана автономность?» достаточно часто приходилось слышать агитаторам середины 1920-х — начала 1930-х гг. Политики в таких вопросах не было. Люди, интересовавшиеся «автономностью, занимались обсуждением практических советских или хозяйственных вопросов», затрагивавших взаимоотношения городской артели и сельского общества [6, л. 73–74].

В этой связи население выражало открытые протесты через митинги, высказывало критические замечания на общих собраниях, ругало на улице действия большевиков, нарушавших принципы автономности в школах, кооперативах, артелях. Вмешательство в дела кооперативов и артелей приводило к протестам, окрашенным в тона русофобии и националистической ненависти [7, л. 12]. В национальных окраинах наблюдался антагонизм между русскими и малыми национальностями, в основном по вопросам о землепользовании. Но даже там, где удавалось решить проблему с землепользованием, все равно оставались «чрезвычайно обостренными отношения во мнениях, словах, взглядах» между русскими и малыми национальностями. Эти обстоятельства «устойчиво мешали развитию хозяйственной инициативы» и приводили к свертыванию любого выгодного, с экономической точки зрения предприятия, а также к вступлению в колхозы, коммуны и т.п. В связи с чем многие нац/меньшинства считали, что «автономность» — это право жить по своим законам [6, л. 72].

На эти обстоятельства насланивались причины местного характера, еще больше усугублявшие протестные настроения общественности. Например, в городах Дальнего Востока «русское население обвиняло корейцев, что, мол, почувствовав себя у власти, они держат себя очень вызывающе, часто без причины подвергают обыску русское население. Корейцы говорят, что русские к ним враждебно относятся за то, что все они коммунисты, комсомольцы, делегатки, видят в этом желание примазаться к власти и поэтому угрожают избиением и нередко избивают, как говорят корейцы, попавшихся на территории русского села комсомольцев или пионеров». Советские власти никаких мер к ослаблению национального антагонизма не предпринимали [Там же, л. 76].

Во многом это происходило из-за отсутствия четкого разграничения власти между советскими и партийными руководителями. Но на это власти старались не обращать внимания. Напротив, по всей стране руководители различных органов советской власти предпочитали замалчивать и национальные, и имущественные причины конфликтов между разными социальными категориями населения. Позднее, в 1926–1928 гг., на назойливые замечания инструктора по нацменьшинствам вообще перестали обращать внимания, делая вид, что проблема во взаимоотношениях корейцев и русских надуманна. Как показала практика, замалчивание проблемы привело к появлению такого явления, как «политическая сказка» [3, ф. 5598, оп. 1, д. 2, л. 156]. Часто, в колхозах и на предприятиях «допу-

скались массовые приукрашивания» в угоду отчета перед вышестоящей инстанцией. Происходило формирование местной «политической сказки», которую, затем, оформляли, как решение трудового коллектива.

Список использованной литературы и источников

1. Центр документации общественных организаций Свердловской области. — Ф. 3. — Оп. 5. — Д. 15; — Ф. 4. — Оп. 5. — Д. 1. — Д. 12; Оп. 9. — Д. 43.
2. Российский государственный архив социально-политической истории. — Ф. 17. — Оп. 7. — Д. 177; Оп. 85. — Д. 151; Оп. 87. — Д. 199.
3. Государственный архив Томской области. — Ф. 5. — Оп. 1. — Д. 1; Ф. 6. — Оп. 1. — Д. 11; Ф. 5598. — Оп. 1. — Д. 2.
4. Государственный архив Новосибирской области. — Ф. 6. — Оп. 1. — Д. 1.
5. Красноярский краевой партийный архив. — Ф. 5. — Оп. 1. — Д. 11.
6. Государственный архив Приморского края. — Ф. П-61. — Оп. 1. — Д. 578.
7. Государственный архив новейшей истории Иркутской области. — Ф. 2. — Оп. 1. — Д. 1.

Информация об авторе

Титов Владимир Юрьевич — кандидат исторических наук, доцент, учитель, МБОУ гимназия № 25 г. Иркутска, E-mail: titow.v@yandex.ru

Author

Vladimir Yu. Titov — PhD, Associate Professor, Irkutsk-75, a / z-11, E-mail: titow.v@yandex.ru